УДК 811.161.1'42
DOI 10.17516/2311-3499-027

РАДИОРЕЧЬ КАК ПОЛИКОДОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

В.И. Коньков, Т.И. Сурикова

Радиоречь рассматривается как поликодовое образование, которое формируется несколькими семиотическими системами: вербальная система, интонация, музыка, звуковые перебивы, шумы. Интонация представлена авторами как совокупность нескольких самостоятельных функциональных систем: интонация как часть грамматической системы языка; интонация как средство изображения эмоционально-чувственного мира человека; интонация как одна из ипостасей существования индивидуального стиля. Специфика радиоречи во многом определяется её тесной связью с координатами социального пространства-времени. Если печатные материалы СМИ имеют статус текста, который осмысливается читателем при чтении и только тогда получает статус произведения, то радиопередача изначально имеет статус произведения – осмысленного и проинтонированного текста. В работе демонстрируется на анализе конкретного текста процесс взаимодействия разных семиотических систем в процессе формирования смысла радиопередачи. Анализируется субъектная организация радиопередачи, вводится понятие субъектно-семиотического типа. Выявляются и анализируются интертекстуальные связи радиопередачи, демонстрируются приёмы анализа интертекстуальных контактов невербальных семиотических образований. Обращается внимание на отдельные наиболее значимые приёмы работы диктора со звучащим словом в тех случаях, когда радиопередача содержит ключевые слова, выходящие за пределы словарного запаса обычного слушателя.

Ключевые слова и фразы: радиоречь; поликодовая речь; социальное пространство-время; диалогизация; текст; произведение; метатекст; интонация.

RADIO SPEECH AS A POLYCODE FORMATION: THE CONTENT OF THE CONCEPT AND THE PRINCIPLES OF DESCRIPTION

V.I. Konkov, T.I. Surikova

Radio speech is considered as a polycode formation, which is formed by several semiotic systems: the verbal system, intonation, music, sound interruptions, noise. The intonation is represented as a set of several independent functional systems: intonation as a part of the language grammatical system; intonation as a means of the person emotional-sensual world depicting; intonation as one of the hypostases of the individual style existence. Radio speech specificity is in its many-sided close connection with the social space-time coordinates. If the printed materials of the media have the status of a text that is comprehended by the reader in reading and only then receives the status of a finished work, then the intonated radio text has such status initially. The work demonstrates on the specific text analysis methods of the different semiotic systems interaction when radio speech meaning is forming. Authors identify intertextual communications of radio broadcast. Intertextual links with non-verbal texts are analyzed. Methods of the journalist, who works with a sounding word in those cases when the vocabulary of the broadcast is not always clear to the ordinary listener are demonstrated.

Keywords and phrases: radio speech; polycode speech; social space-time; dialogization; text; work; metatext; intonation.

Введение. В коммуникативной среде радио присутствует речевой материал различных сфер: административного управления, науки, художественного словесного творчества и др., а не только тот, что создан радиостанцией как субъектом речевой деятельности. Но именно последний – *радиоречь* – является объектом нашего исследования.

Термин *радиоречь* может быть определён в узком и широком понимании.

В узком понимании – это только вербальный ряд, вербальная семиотическая система, транслируемая по звуковому каналу радиостанции (см., например: [Шаймиева 2012]). Такое истолкование термина *радиоречь* широко распространено [Босый 2006, Храмова 2013], однако оно достаточно условно и не соответствует осознанию специфики радиоречи с точки зрения здравого смысла. Очевидно, что смысл передачи формируется не только вербальными компонентами. Чрезвычайно большую роль в формировании содержания играют невербальные знаковые системы: интонация, которая фактически является сочетанием нескольких функциональных систем; музыкальное оформление, различного рода шумы [Нестерова 2015], субъектная организация радиопередачи. Не случайно Б.М. Гаспаров, говоря о специфике устной речи (а фактически – о специфике устной коммуникации) в семиотическом аспекте, подчёркивал важную роль в передаче смысла таких знаковых систем, как интонация, жест, мимика, характер взгляда [Гаспаров 1978].

В формировании содержания радиопередачи, таким образом, параллельно, одновременно принимают участие несколько знаковых систем. Соответственно, *радиоречь*, на основе которой происходит формирование смысла отдельных высказываний, фрагментов и содержания передачи в целом, предстаёт перед нами как речь поликодовая. Трансляция нескольких семиотических систем происходит по одному каналу – звуковому.

Б.М. Гаспаров в работе «Устная речь как семиотический объект» [Гаспаров 1978] говорит о вербальной знаковой системе как о вербальном канале. Это объясняется, по-видимому, тем, что автор говорит в данной работе не столько о конкретных разновидностях устной речи, сколько об устной коммуникации как таковой в условиях непосредственного речевого контакта. И в этом случае вполне возможно использовать номинацию *вербальный канал коммуникации*. Однако если анализировать конкретные разновидности поликодовой медиаречи, то различение семиотической системы и канала коммуникации должно быть более строгим. Так, в рамках одной телевизионной передачи вербальная знаковая система может транслироваться как по звуковому каналу (голос диктора, ведущего), так по визуальному каналу (титры на экране).

Радиоречь в координатах социального пространства-времени. Важной коммуникативной особенностью медийной радиоречи является особый характер соотнесенности речи с жизненным пространством радиослушателя, определённым в координатах социального пространства-времени.

Если мы возьмём печатный медиатекст (журнальный или газетный), то, в отличие от текстов другой функционально-стилевой принадлежности (например, художественной литературы: возьмём в качестве примера роман Л.Н. Толстого «Война и мир»), медиатекст при рождении и восприятии привязан к определённым координатам социального пространства-времени. Так, номер газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 11 декабря 2017 года предназначен для жителей Санкт-Петербурга и актуален только 11 декабря 2017 года, так как 12 декабря выйдет следующий номер и вчерашний номер потеряет или существенно уменьшит свою актуальность. Однако, строго говоря, связь газетного текста с координатами социального пространства-времени является в большей или меньшей степени размытой, нестрогой. Читатель, получивший газету, волен сам выбрать время, когда он будет читать газету. Он может посмотреть её даже и на следующий день при определённой жизненной ситуации. Ещё менее точно привязан к определённым координатам социального пространства-времени журнальный медиатекст, который может не терять свой актуальности в течение существенно большего, хотя и ограниченного времени.

У текста радиопередачи, у медиаречи характер соотнесённости с координатами социального пространства-времени принципиально иной. Радиопередача включена в сетку вещания, идет в

определенное время. Соответственно, коммуникативная ситуация, в условиях которой происходит восприятие радиопередачи, принципиально иная, чем та ситуация, в которой воспринимается печатный медиатекст. Если время и место чтения газеты или журнала выбирает, пусть и в ограниченных пределах, сам читатель, то радиопередача может быть прослушана только в то время, когда идет в эфир. Причем в это время у слушателя должно быть соответствующее техническое устройство. Эта специфика восприятия радиопередачи, радиотекста придаёт ей совершенно особый коммуникативный статус. Чтобы описать его суть, необходимо принимать во внимание специфику звукового канала коммуникации.

Печатный текст и телевизионный текст активно используют визуальный канал коммуникации, что практически выключает их из обычного течения жизни. Радиоречь, транслируемая исключительно по звуковому каналу, позволяет аудитории в большей или меньшей степени не отвлекаться от привычного хода жизни и разнообразия мелких дел. Слушание радиопередачи сплошь и рядом совмещается с решением ряда других бытовых задач, что дало основания рассматривать его иногда как фоновую коммуникативную деятельность.

Таким образом, условия восприятия радиопередачи (радиоречи) принципиально иные, чем у телепередачи или печатного текста. Радиопередача принципиально по-иному входит в жизненное пространство слушателя: она неизбежно становится частью его жизни, его непосредственного существования в данный промежуток времени. Слушатель подчиняет в большей или меньшей степени течение своего личного времени прослушиванию радиопередачи.

Эта особенность коммуникативной ситуации восприятия радиоречи, казалось бы, очевидная и элементарная по своей сущности, оказывает тем не менее существенное влияние на её семантико-грамматические особенности.

Ключевым компонентом, определяющим специфику данной коммуникативной ситуации, является то, что мы называем словом *жизнь*. Говоря о *жизни* как о компоненте коммуникативной ситуации, мы имеем в виду ту часть нашего существования, которая осмысливается и присваивается нами. Осмысленное существование, бытие человека фактически является разновидностью категории текста, понимаемого как упорядоченная последовательность знаков. Неслучайно говорят о *страницах жизни*: «Страницы прошлого читая, их по порядку разбирая теперь остынувшим умом...» [Лермонтов 1961: 497]. Неслучайно жизнь уподобляется на основе метафорического переноса отдельным типам текста (*его песенка спета*). Неслучайно одно и то же слово может выступать и как наименование текста, и как наименование фрагмента жизни – *роман*.

Применительно к нашей теме принципиально важным является тот факт, что то, что ощущается человеком как вмещенное в его жизнь, в речи, в языке обозначается лексико-грамматическими единицами с событийным значением, которое, в силу его природы, обязательно содержит компонент, представляющий сферу субъекта речи (субъективно-модальные, оценочные значения и т.п.). В данном случае мы опираемся на понятийный аппарат современной семантики и ориентируемся преимущественно на работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976; 1988].

Именно по этой причине радиопередача не может быть лишена личностного начала: чисто технологически радиоречь вписывается в течение жизни слушателя, что предполагает прежде всего выраженность экспрессивных элементов субъектной сферы автора.

Коммуникативный статус радиоречи. Из сказанного следует, что письменный текст, подготовленный для радиопередачи, и звучащая в радиопередаче речь имеют принципиально разные коммуникативные статусы. Текст радиопередачи – это ещё не сама радиопередача, которая только и является готовой речевой продукцией, предназначенной для читателя. Только тогда, когда этот текст будет интонирован, прочитан, то есть осмыслен и пережит диктором, ведущим, автором, когда он будет смонтирован, когда на звучащую речь будут наложены музыка, шумы, звуковые перебивки в качестве смыслообразующих элементов, только тогда мы будем иметь радиопередачу. А текст обретет статус произведения.

Принципиальное различие между коммуникативным статусом текста как проекции грамматической структуры языка в сферу коммуникации и текста прочитанного, осмысленного,

истолкованного было в свое время отмечено М.М. Бахтиным, противопоставлявшим *текст* и *произведение*: «Лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением. То же, что она говорит о произведении, привносится контрабандным путем и из чисто лингвистического анализа не вытекает. Конечно, обычно сама эта лингвистика с самого начала носит конгломератный характер и насыщена внелингвистическими элементами. Несколько упрощая дело: чисто лингвистические отношения (то есть предмет лингвистики) — это отношения знака к знаку и знакам в пределах системы языка или текста (то есть системные или линейные отношения между знаками). Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики. Отдельные знаки, системы языка или текст (как знаковое единство) никогда не могут быть ни истинными, ни ложными, ни прекрасными и т. п.» [Бахтин 1979: 302–303].

Читая газету или журнал, читатель имеет дело с текстом, который он осмысливает сам. Радиопередача даёт слушателю принципиально иной речевой продукт. Читатель получает готовое осмысленное произведение. Это не лишает читателя возможности по-своему переосмыслить услышанное, но независимо от возможного переосмысления радиопередача по природе своей очеловечена, она даёт не столько грамматический материал, сколько пережитую говорящим, включённую в жизнь речь.

Радиоречь как поликодовое образование. В чисто технологическом плане подготовленный автором текст становится радиопередачей благодаря использованию в устной радиоречи невербальных семиотических систем: интонация, музыкальное сопровождение, различного рода шумы, звуки. Смысловое наполнение радиопередачи формируется, наряду с вербальной (которая является основной), и другими указанными семиотическими системами. Невербальные содержательные компоненты могут как наслаиваться на вербальные, так и последовательно чередоваться с ними. Принцип формирования содержания радиотекста (радиоречи) можно представить на основе метафорического переноса: подобно тому как в симфоническом произведении его содержание формируется на основе партий отдельных инструментов, что находит отражение в партитуре, в радиопередаче её содержание формируется одновременно или последовательно работающими несколькими указанными выше семиотическими системами.

Принципиально важно при анализе базовых свойств медиаречи обратить внимание на интонацию. Фактически под данной номинацией выступают несколько функциональных систем, существенно отличающихся друг от друга по их роли в формировании содержания радиопередачи.

С одной стороны, мы имеем интонацию как составную часть грамматической структуры языка: «Интонация – это звуковое средство языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому» [Русская грамматика 1980: 96]. С другой стороны, интонация – это средство выражения (и, соответственно, изображения) как простых, элементарных, так и довольно сложных эмоциональных и чувственных комплексов [Артёмов 1976; Жинкин 1982]. В сфере словесного художественного творчества сами писатели, творцы, воспринимают интонацию как нечто такое, что рождается до вербального текста, предшествует ему, обеспечивает развёртывание словесной структуры и стилистическое единство всего созданного писателем [Иванчикова 1979: 28–31].

Существующая обширная литература об интонации говорит о том, что этими базовыми функциями многочисленные функциональные возможности не исчерпываются. В данной работе их констатация необходима для того, чтобы обратить внимание на специфические функции интонации, характерные именно для радиоречи.

Рассмотрим, как используются интонационные ресурсы радиоречи при построении поликодового текста радиопередачи, при формировании её смысла на примере радиопередачи ВГТРК «С русского на русский, или Кстати сказать» (02.09.2012).

Исследовать интонацию в функциональном аспекте возможно лишь осмысливая её как интонацию определённого субъекта речи. Субъектно-семиотическая организация передачи выглядит следующим образом. Основные субъекты, формирующие звучащий вербальный ряд, – это ведущие, они же автор и продюсер программы. Вспомогательные субъекты – это актер, который читает анонс передачи, фрагменты слушательских писем и цитируемых печатных литературных и научных произведений; речевые субъекты кинофильмов, например, О. Бендер в исполнении А. Миронова («12 стульев» в постановке М. Захарова, 1977 г.). В качестве самостоятельного субъектно-семиотического типа выступает музыка. Песня и её функциональные аналоги являются сложными в семиотическом отношении субъектами – интонационно-музыкально-вербальными.

Различного рода шумы, звуки также являются полноценными субъектно-семиотическими типами.

Существуют для каждой радиопередачи общие интонационные требования, обусловленные всей многокомпонентной структурой данной конкретной коммуникативной ситуации, в которой рождается радиопередача. Интонация планируется автором: при написании сценария он обязательно проговаривает текст, проверяет интонационный рисунок, но то, что предполагается первоначально, редко совпадает с записью. Так по прошествии времени с момента написания до озвучивания проявляется эффект неизбежного отчуждения текста от автора.

Но в любом случае интонация ведущих должна быть естественной, доброжелательной, располагающей, ее модальные значения должны соответствовать содержанию, смыслу передачи. При этом журналисты-ведущие актёрствовать не должны. Даже если они сами иногда в силу смысловой необходимости читают отрывки художественных текстов – это не актерское чтение-вживание в образ, это чтение «с чувством, с толком, с расстановкой» (А.С. Грибоедов), но журналистское.

Остальные параметры звучащей медийной речи ведущих ориентированы на строгую литературную норму: полный стиль произнесения; четкая, внятная дикция, приятный, располагающий тембр; темп произнесения – не быстрый, чтобы легко можно было разобрать каждое отдельное слово, но и не медленный. У слушателя не должно возникать желание толкнуть ведущего в спину, чтобы тот быстрее соображал, а не выпячивал своё «я». Естественно, практически отсутствуют паузы хезитации, которые в записных программах допускаются в очень ограниченном количестве только в интервью (фрагменты спонтанной устной речи) с экспертами. Речь должна быть мелодична, чередовать гласные и согласные звуки, не допуская вне специальных задач (звукописи, например) нагромождения того и другого, а также многократного повторения одинаковых слогов. При подготовке передачи ограничивается длина и сложность предложения (ориентация на разговорную литературную норму), исключается неправильное понимание звучащего текста в результате перераспределения границ слов, что иногда встречается в стихотворной строке (слышится *сплетяху[ду]сосанною*, а читается так: *сплетя хулу с осанною* [Крученых 1922: 11]). Несколько актуальных медийных примеров: *по восьми – десяти рублей / по восьмидесяти рублей; к Оле / Коле*.

Кроме того, есть технологические требования к медиаречи. Общее – это удобопроизносимость текста в целом и отдельных его фрагментов. Отдельные компоненты интонации могут использоваться в чисто технологическом аспекте с различными вспомогательными целями. Например, необходимо сделать восприятие малознакомых, непривычных для уха слов более лёгким для слушателя и, главное, правильным. Это касается преимущественно круга наименований, которые выходят за пределы среднего словарного запаса обычного слушателя. С такой задачей говорящие сталкиваются не только на радио, но здесь это особенно актуально. Слушатель часто слышит не то, что говорит диктор / автор / ведущий, а то, к чему подготовлен его звуковой анализатор, то есть то, что у него в сознании уже есть. Аудитория слышит не то, что реально произносится, а то, что способна услышать, так как того, что надо

услышать (редкие термины, новые имена собственные и т.п.), в коллективном сознании аудитории нет.

Поэтому при соблюдении говорящим всех правил медийной устной речи в такой ситуации в проблемном слове / словосочетании: а) гласные произносятся без редукции, б) делаются хоть небольшие, но паузы между словами, в) немного повышается тон, г) замедляется темп. Так, латышское имя собственное *Пойканс Агрис* читаем как [пóйканс / áгрис], а не [пъйканáгрис]. Так артикулируются термины, новые или редкие топонимы, административные наименования, имена и фамилии, названия произведений и т.п. На телевидении виртуозное владение этим приемом демонстрирует Д. Киселев («Вести недели»). При этом такая артикуляция поддерживается написанием слова в титрах на экране.

Роль невербальных семиотических субъектов (музыка, различного рода звуки) чрезвычайно велика в аспекте работы с аудиторией. Речевые действия именно невербальных субъектов радиопередачи ориентированы на управление вниманием слушателя. Звуковые акценты делаются на тех смысловых компонентах, которые с точки зрения автора нужны для более эффективного восприятия радиопередачи. Звуковые перебивки расставляются достаточно произвольно, но всегда в таких позициях, когда нужно либо активизировать внимание аудитории, либо обозначить границы между фрагментами передачи. Ту же роль играют и музыкальные перебивки. Функционально и те, и другие, члени текст, во-первых, содержательно структурируют его звуковыми средствами аналогично абзацам и подзаголовкам в письменной речи, а во-вторых, предупреждают о смысловом переходе и активируют внимание аудитории. Так что музыкальные и звуковые перебивки радиоречи – это аналоги подзаголовков и абзацев в письменном тексте. На полосе и на мониторе – подзаголовок и абзац, в радиопередаче – звук.

В управлении вниманием слушателя чрезвычайно велики функциональные возможности субъектной организации радиопередачи. Авторский текст, изначально монологический по своей онтологии, диалогизируется путем разложения его на речевые партии ведущих. В нашем случае – автора и редактора. Второй ведущий может подхватывать реплику первого на полуслове. Смена голоса актуализирует нужный фрагмент, позволяет расставить смысловые акценты, активизировать внимание, не превышая возможностей оперативной памяти. Когда продолжительное время говорит один субъект, внимание может затухать, переходить из активного в фоновое.

Цитаты из художественных текстов в анализируемой радиопередаче читает преимущественно актёр. Особый голос, голос профессионала устной речи, позволяет интонационно вычленив в цитируемом материале интертекстуальные связи, что делает их для слушателя более очевидными. Актёрское чтение, более эмоционально насыщенное, втягивает слушателя в более глубокое эмоциональное переживание передачи.

Перечисленные особенности субъектной организации радиопередачи представляют собой различные виды диалогизации текста. Функции отдельных невербальных компонентов тождественны функциям традиционных метатекстовых конструкций: «Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [Вежбицка 1978: 421].

Музыка как интонационно-стилистический субъект также многофункциональна. Музыкальная фраза, мелодия, ритм могут формировать определённое настроение, это вербально не определённый, семантически размытый фон речи. С помощью музыки можно выражать отношение к сообщаемому словами (субъективно-модальные значения): ведущие говорят о винокурении, а фоном звучит вальс «Кукарача» в исполнении В. Зинчука.

Следует отметить, что то, что называется музыкальным фоном, может в определённый момент выйти по значимости для слушателя на первый план. Так, в праздничной передаче, посвященной 70-летию Победы (08.05.2015), в одной из тем был рассказ о выражении *Gutler kaput*, а фоном к нему без слов шла мелодия песни «Священная война». Мелодия генерировала в сознании слушателей всем известные слова, по статусу приближающиеся к тому, что называется

святыней. Взаимодействие двух знаковых систем привело не просто к сложению смыслов, а к генерированию в сознании аудитории новых семантических образований (воспоминания, эмоции, переживания и др.). Сочленение двух знаков всегда есть не просто сумма их значений, происходит генерирование новых смыслов, рождаемых их взаимодействием. Особенно в данном случае, когда речь шла о главных символах Великой Победы.

Цитирование поликодовых текстов в радиопередаче также имеет особенности, не свойственные цитированию в печатном тексте. Так, в передаче о винокурении (28.12.2012) цитируется фраза из сериала «12 стульев»: *Киса / я давно хотел у вас спросить / как художник / художника / вы рисовать умеете?//* В этой фразе фонетические слова *как художник* и *художника* выделены значительными паузами и особой интонацией иронической патетики. В результате эти слова получают пропозитивное прочтение, поскольку интонационно вырваны из привычного интонационного рисунка вопросительного предложения. Смысл аморфен и не поддается точной вербальной фиксации, но выглядит примерно так: *Киса, я являюсь художником. Киса, вы тоже являетесь художником. И вот я хочу у вас спросить, Вы рисовать умеете?*

Ведущие, владеющие техникой двухголосого слова [Бахтин 1979: 210–237], присваивают себе эту фразу, существенно модифицируя ее смысл. Ирония сохраняется, поскольку обе ведущие в винокурении, о котором передача, разбираются приблизительно так же, как «выпускники ВХУТЕМАСа» О. Бендер и К. Воробьянинов в живописи. Это первое прочтение фразы. Но в их интонации проявляется и не очень серьезное, предновогоднее (выпуск 28.12.2012), юмористическое, гедонистическое отношение к жизни: *А давайте / Ксения Юрьевна / поговорим как художник с художником / о чём-нибудь желанном / долгожданном / животрепещущем //...* Наконец третий аспект смыслообразования состоит в том, что историю «винокуренных» слов, в отличие от технологии производства спиртного, ведущие знают и интересно о ней рассказывают.

Семантическая атмосфера поликодового текста даже шумам придаёт коммуникативный статус полноценного субъектно-семиотического типа. Транслируемый интершум воспринимается как обозначение типичной жизненной ситуации.

Выводы. Радиоречь, а соответственно и радиопередача, представляют собой речь поликодовую, формируемую несколькими семиотическими системами: вербальной, музыкальным рядом, несколькими интонационными системами, шумами, звуками. Радиоречь активно включает в свою фактуру поликодовые цитаты, которые существенно более активны, чем в традиционном печатном тексте. Радиопередача имеет принципиально иной коммуникативный статус, чем печатная речь. Читатель имеет дело с печатным текстом, который требует от читателя затрат на осмысление и на сопереживание, в то время как радиослушателю предоставляется готовое произведение, осмысленное и пережитое авторами / создателями радиопередачи. Радиопередача существенно сильнее связана с жизненным миром слушателя, она принципиально экспрессивна, эмоциональна и требует от него сопереживания.

Заключение. Проведённый анализ говорит о том, что радиоречь обязательно должна пониматься как речь поликодовая. Радиоречь – это не только вербальный ряд передачи. Такой подход к пониманию радиоречи позволяет понять её важнейшие сущностные характеристики. Всё сказанное даёт возможность сделать предположение, что описанный подход к исследованию поликодового текста может быть использован при изучении и телевизионной речи, и многочисленных коммуникативных образований нового типа в коммуникативной среде Интернета. Этот же подход может быть экстраполирован и на поликодовые тексты другого типа, тексты, сформированные в двумерном пространстве плоскости [Быкова 2011], а также тексты, сформированные в трёхмерном пространстве. Так, мы можем и должны город в целом, а также локальные городские пространства воспринимать и описывать как текст. Текст города – это не совокупность городских надписей, а текст, смысл которого формируется целой совокупностью знаковых систем. Где знаками являются в том числе и любые образования, заполняющие и формирующие городское пространство.

Литература

- Артемов В.А. Психология речевой интонации. М.: МГПИИЯ, 1976. 76 с.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 384 с.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
- Босый П.Н. Современная радиоречь в аспекте успешности / неуспешности речевого взаимодействия: дис... канд. филол. наук. Томск, 2006. 206 с.
- Быкова Е.В. Речевая организация модульного текста. СПб.: РГГМУ, 2011. 220 с.
- Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. III. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
- Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи: лингвистическая семантика и семиотика: учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1978. Вып. 442. С. 63–112.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 158 с.
- Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Крученых А.А. Сдвигология русского стиха. М. 1922. 60 с.
- Лермонтов М.Ю. Валерик // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 756 с.
- Нестерова Н.Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 320 с.
- Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
- Храмова А.Н. Особенности радиоречи // Вестник Моск. ун-та печати им. И. Федорова. 2013. Вып. 6. С. 147–150.
- Шаймиева Л.В. Прагматика диалогизации и диалогичности радиоречи // Вестник Башкирского ун-та. Т. 17. 2012. № 3. С. 1342–1345.

References

- Artemov V.A. Psihologiya rechevoj intonacii [Psychology of speech intonation]. Moscow, MGPIYA Publ., 1976. 76 p.
- Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smysl [The sentence and its meaning]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 384 p.
- Arutyunova N.D. Tipy yazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt [Types of language meaning: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
- Bahtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis]. *Bahtin M. M. EHstetika slovesnogo tvorchestva [Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity]* Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 281–307.
- Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskog [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 320 p.
- Bosyj P.N. Sovremennaya radiorech' v aspekte uspeshnosti / neuspeshnosti rechevogo vzaimodejstviya [Modern radio speech in terms of the success / failure of speech interaction]. Philology Cand. Diss. Tomsk, 2006. 206 p.
- Bykova E.V. Rechevaya organizaciya modul'nogo teksta [Speech organization of modular text]. SPb., RGGMU Publ., 2011. 220 p.

Vezhbicka A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. III. Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Issue III. Linguistics of the text], Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 402–421.

Gasparov B.M. Ustnaya rech' kak semioticheskij ob'ekt [Oral speech as a semiotic object]. *Semantika nominacii i semiotika ustnoj rechi: lingvisticheskaya semantika i semiotika: uchen. zap. Tartus. gos. un-ta* [Semantics of nomination and semiotics of oral speech: linguistic semantics and semiotics: scientific notes of the Tartu State University], 1978, Issue 442, pp. 63–112.

Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as a conduct of information]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 158 p.

Ivanchikova E.A. Sintaksis hudozhestvennoj porozy Dostoevskogo [Syntax of Dostoevsky's artistic prose]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p.

Kruchenyh A.A. Sdvigologiya russkogo stiha [The shift of the Russian verse]. Moscow, Tip. CIT Publ., 1922. 46 p.

Lermontov M.YU. Valerik [Valerik]. *Lermontov M. YU. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1* [Lermontov M.Yu. Collected Works: in 4 vols. V. 1]. Moscow; L., Izd-vo AN SSSR Publ., 1961. 756 p.

Nesterova N.G. Sovremennyy radiodiskurs (kommunikativno-pragmatičeskij aspekt) [Modern radio discourse (communicative and pragmatic aspect)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ.. 2015. 320 p.

Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1 [Russian grammar: in 2 vols. V.1.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.

Hramova A.N. Osobennosti radiorechi [Features of radio speech]. *Vestnik Mosk. un-ta pečati im. I. Fedorova* [Bulletin of the Moscow State University named after Fidorov], 2013, Issue 6, pp. 147–150.

Shajmiev L. V. Pragmatika dialogizacii i dialogichnosti radiorechi [Pragmatics of Dialogization and Dialogue of the Radio Speech]. *Vestnik Bashkirskogo un-ta*, vol. 17, 2012, no 3, pp. 1342–1345.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Владимир Иванович Коньков, доктор филологических наук, профессор кафедры медиалингвистики Института «Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, Санкт-Петербург, 199004, 1-я линия В.О., д. 26
E-mail: v_konkov@mail.ru

Татьяна Ивановна Сурикова, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, Москва, 125009, ул. Моховая, дом 9,
E-mail: surikova_t@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Vladimir Ivanovich Konkov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Medialinguistics Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications
St. Petersburg State University
Russia, St. Petersburg, 199004, 1st line V.O., 26
E-mail: v_konkov@mail.ru

Tatyana Ivanovna Surikova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Stylistics Department, Faculty of Journalism, Moscow State University
Moscow State University. Mv Lomonosov
Russia, Moscow, 125009, ul. Mokhovaya, 9,
E-mail: surikova_t@mail.ru